

Археографічні публікації

“ПОСЛЕДНИЙ КОШЕВОЙ АТАМАН ПЕТР ИВАНОВИЧ КАЛНИШЕВСКИЙ” Д.І. ЯВОРНИЦЬКОГО В ІСТОРІЇ ВИВЧЕННЯ ПОСТАТІ ПЕТРА КАЛНИШЕВСЬКОГО

Ім'я видатного українського історика Дмитра Івановича Яворницького (1855-1940) посідає чільне місце в історіографії історії запорозького козацтва. Поруч з фундаментальними працями – “Історія запорозьких козаків”, “Запорожжя в залишках старовини та переказах народу”, багатотомними публікаціями джерел, – він виступив з ґрунтовними розвідками про життя та діяльності провідних діячів історії козацтва: кошових отаманів Івана Сірка та Петра Калнишевського.

Постаті Сірка та Калнишевського протягом всього творчого шляху Дмитра Івановича залишалися в центрі його дослідницької уваги: перший – як виразне уособлення духу козаччини часів розквіту могутності Запорозької Січі, другий – як втілення її яскравої й суперечливої завершальної стадії, – постать, котра взяла на себе хрест мученицького страждання в соловецькому ув'язненні.

У 1881-1882 роках Д. Яворницький підготував своє перше дослідження “Виникнення і устрій Запорозького Коша”, навічно пов'язавши свою наукову долю з проблематикою запорозького козацтва. Звинувачення в українському сепаратизмі та переслідування змусили його у 1885 р. залишити Харківський університет та переїхати до Санкт-Петербургу. Однак це не завадило йому продовжувати козакознавчі студії й інтенсивно публікувати результати своїх досліджень. Ще у 1883 року він почав працювати над створенням “Запорожжя в залишках старовини та переказах народу”; в основі її задуму покладено ідею викладу результатів поїздки автора по місцях, пов'язаних із запорозьким козацтвом. До квітня 1887 р. головний корпус цієї книги вже був завершений [1, с. 8-11]. Однак сталася подія, що спонукала автора відкласти публікацію праці на один рік. Це – його поїздка на Соловецькі острови з метою вивчення перебування там в ув'язненні кошового отамана Петра Калнишевського. Про плани відвідування Соловків Яворницький повідомляв Я.П. Новицького ще у квітні 1886 року: “Сяду на машину (залізничний потяг. – В.Г.) і ген-ген ... аж до Білого моря, а по Білому морю на Соловецький острів, де хочу побачити могилу сердешного Петра Івановича Калниша, а звідтіля поверну у гнилий Петербург, обложусь парсунами та бамагами та й докінчаю своє “Запороже”” [2, с. 170].

Відкриття місця, де було ув'язнено Калнишевського, належить українському революціонеру-народникові Петру Саввичу Єфименку, котрий на початку 1860-х рр. перебував на засланні в Архангельській губернії. Відвідавши влітку 1862 р. село Ворзогори Архангельської губернії, що в 25 верстах від міста Онега і в 180 верстах від Соловецьких островів, Єфименко почув розповідь місцевого селянина Лукина, котрий колись був у Соловецькому монастирі на богомоллі і бачив козацького отамана; було записано й інші усні свідчення про кошового [4, с. 412]. П. Єфименко скористався доступом до архіву Архангельського губернського правління і оглянув “Описи не секретных дел” губернської канцелярії. До його рук потрапила справа під назвою “Дело по сообщению государственной военной коллегии конторы об отсылке, для содержания, в Соловецкий монастырь кошевого Петра Калнишевского. Июля 11-го дня 1776 г.” [4, с. 414]. Так він знайшов перше документальне підтвердження перебування останнього кошового на Соловецьких островах. Регламент заслання не дозволяв П. Єфименку поїхати на Соловки, тому він доручив своїм товаришам, членам Російського географічного товариства П.П. Чубинському та А.Г. Гоздаво-Тишинському розшукати документальні свідчення про Калнишевського в Соловецькому монастирі. Гоздаво-Тишинський знайшов кілька документів у монастирському архіві, які підтвердили звістки про ув'язнення кошового на Соловках, а Чубинський розшукав його могилу і речі (євангеліє і запрестольний хрест), подаровані Калнишевським монастирю з нагоди свого звільнення у 1801 р., та занотував напис на могильній плиті кошового [4, с. 415-416].

Д.І. Яворницький зацікавився публікаціями П.С. Єфименка [3-5] і сам почав збирати відомості про соловецьке ув'язнення останнього кошового та готувати публікації. В залежності від отримання матеріалів з Соловків, він швидко змінював свої погляди. Так, у листі до видавця Ф.Г. Лебедінцева від 5 січня 1886 р. Яворницький писав: “Сделайте ещё добавку в мою статью “Архивные материалы”, всё по поводу того же Калнишевского. Исправьте прежде всего то, что тело Калнишевского погребено в ограде не главной церкви, как у меня сказано, а в ограде церкви св. митрополита Филиппа Кольчева ... (это в самом конце статьи). Потом через пять строк выше от этого добавьте следующее: комната, где заключен был П.И. Калнишевский, находится в так называемой Карожей башне; расположение её представляется

в таком виде. Когда войдеш в башню, то здесь увидишь вокруг неё тёмный коридор, в самом центре её – комнату, высоты два аршина, ширины и длины полтора аршина. В комнату из темного коридора ведёт железная дверь, а на стене, что против двери, устроено миниатюрное окошко, выходящее в тот же тёмный коридор, отчего свет в комнату никогда не попадает. В такой комнате можно было стоять только согнувшись. Когда приводили сюда преступника, то его вводили в комнату, запирали за ним железную дверь тяжёлым замком, к замку прикладывали печать, и ключ отправляли в С. Петербург, в тайную экспедицию. И до сих пор комната П. Калнишевского покрыта затвердевшим калом на три вершка толщины” [2, с. 101-102].

Так Д.І. Яворницькому трапилося стати творцем історіографічного міфу, що міцно вкорінився у масових історичних уявленнях. Він і зараз широко представлений у засобах масової інформації. Однак Яворницький і першим же виступив на спростування створеного ним самим міфу. Його праця “Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский” стала результатом його подорожі на Великий Соловецький острів у травні 1887 року. На ґрунтовній документальній основі він з’ясував, що Калнишевський утримувався не в земляній ямі Корожньої башти, а в кельях Білої, Архангельської та Прядильної башт, отримуючи щодня по 1 рублю на свої потреби.

Д. Яворницький знайшов нові документи в монастирському архіві: “Полугодовая черновая ведомость о монашествующих и содержащихся арестантах”, № 121, інші джерела. Він підтвердив наявність подарованих кошовим отаманом монастирю за престольного хреста і євангелія з коштовною оправою. Найголовнішим результатом подорожі Яворницького стала локалізація могили Калнишевського: “близь алтаря соборного храма св. Преображения, с южной стороны”, між могилами видатного російського публіциста початку XVII ст. Авраамія Паліцина та архімандрита Феодорита. Документи, знайдені в архіві Соловецького монастиря, Яворницький видав у 1888 р. в “Збірці матеріалів для історії запорозьких козаків” [8, с. 216-222], а про результати своєї соловецької експедиції сповістив у виданій у тому ж році книзі “Запорожжя в залишках старовини та переказах народу” [10, с. 155-169] і в нарисах “По следам запорожцев” [7, с. 173-184].

Нарис “Последний кошевой атаман Петр Ивонович Калнишевский” був виданий у 1887 р. в журналі “Дон” [6] і після першого видання не був републікований. Втім популярність цієї праці спричинила її поширення у відбитках (“оттисках”) з журнального видання. Однак вона давно вже стала виключним раритетом і потребує на докладне археографічне опрацювання.

У поданій нижче републікації збережені деякі орфографічні та стилістичні особливості видання 1887 року [6], хоча текст викладений з урахуванням сучасного російського правопису.

Висловлюємо щиру подяку науковому співробітникові Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України І.Л. Синяку за сприяння у підготовці даної публікації.

Література:

1. *Абросимова С., Василеико Н.* Перша монографія Д. Яворницького // *Яворницький Д.І.* Запорожжя в залишках старовини і переказах народу. – Ч. I. – Дніпропетровськ: Арт-Прес, 2005. – С. 3-22.
2. Епістолярна спадщина академіка Д.І. Яворницького / Упорядники С.В. Абросимова та інші. – Вип. 4. – Дніпропетровськ: Арт-Прес, 2005. – 496 с.
3. *Ефименко П.С.* Калнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи. 1791– 1803 // *Русская старина.* – СПб, 1875. – Кн. XIV. Ноябрь.
4. *Ефименко П.* Ссылные малороссияне в Архангельской губернии // *Русская старина.* – 1887. – Кн. 12.
5. *Ефименко П.* Ссылные малороссияне в Архангельской губернии // *Киевская старина.* – 1882. – Кн. 9. Сентябрь.
6. *Эварницкий Д.И.* Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнышевский. – Новочеркасск, 1887. – Відбиток із журналу “Дон”. – С. 1-15.
7. *Эварницкий Д.И.* По следам запорожцев. – СПб., 1898.
8. *Эварницкий Д.И.* Сборник материалов для истории запорожских козаков. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1888. – 284 с.
9. *Яворницький Д.І.* Запорожжя в залишках старовини і переказах народу. – Ч. I. – Дніпропетровськ: Арт-Прес, 2005. – 312 с.
10. *Яворницький Д.І.* Запорожжя в залишках старовини і переказах народу. – Ч. II. – Дніпропетровськ: Арт-Прес, 2005. – 496 с.

ПОСЛЕДНИЙ КОШЕВОЙ АТАМАН ПЕТР ИВАНОВИЧ КАЛНИШЕВСКИЙ

Кто более или менее вращался в истории запорожских казаков, тот неминуемо наталкивался на такого рода вопрос: что за причина была того, что Запорожье, в свое время игравшее такую огромную роль и наполнявшее своим именем чуть ли не всю Европу, было разорено и уничтожено московским правительством. Говорят обыкновенно, что Запорожье изжило свой век, что оно сыграло свою роль, что оно оказалось лишним и т. п. Но все это, на наш взгляд, не более, как ничего не объясняющая фраза. Мы смотрим на это дело несколько иначе. Уничтожение Запорожья вытекало органически из самого хода русской истории. Объяснимся. Еще Иван Данилович Калита, прототип русских князей-собирателей, наметил себе две цели в политике: централизацию и единовластие. Великим московским князьям, а потом и московским царям на этом пути пришлось встретить массу различных препятствий; внутри России – со стороны целого сословия удельных князей, отдельных, сильных своим положением, личностей, со стороны сословия духовных людей, крымцев, ордынских татар; во вне России – со стороны литовцев, польских королей, турков. При всей в то время слабости нашего отечества, при всей разбросанности его частей, при всем натиске со стороны сильных соседей, русское государство все-таки достигло намеченного князем-собирателем пути – централизации и единовластия. Однако, почти параллельно с ходом этого развития русского государства, в нем развивалась неизвестная в других странах сила, казачество запорожское, малороссийское, донское, яицкое и др. Казачество в течение трех веков играло в России громадную, чуть ли не колоссальную роль, на которую, впрочем, наши историки еще довольно мало обращали и обращают внимание. Начавшись в конце XV века, оно в течение XVI уже совершенно сложилось в определенные формы и наметило себе совершенно определенные задачи, // (с.2) но такие именно формы и задачи, которые шли прямо в разрезе с централизацией и формами устройства русского государства. Это были два крайних полюса: южный и северный, никогда не сходявшиеся и никогда не могшие сойтись. Всего резче это выступило в царствование царицы Екатерины II, как и все ее предшественники, помимо новых идей века, стремилась к той же исконной цели, намеченной великим князем собирателем; она шла в этом случае, так сказать, вместе с самой историей – направлять свою деятельность от центра к окружности и не давать возможности выдвигаться областному самоуправлению. И что же видит она? Видит то, что у нее тут же около существует такого рода община, которая только по имени признает свою зависимость от русского правительства, на самом же деле и знать не желает никакой опеки над собой: самовольно выбирает себе старшину, самовольно воюет с соседями, самовольно казнит и милует преступников, самовольно принимает к себе искателей разных приключений и ко всему этому самовольно заводит у себя такие порядки, которые служат началом уже настоящего государства. Это – община запорожских казаков. Прежде бывало запорожцы знали только войну, а теперь они помимо войны занимаются земледелием, заводят школы, дают определения для всего войска, и все это на правах полного равенства между всеми членами. И в то время, когда в центральной России, при Екатерине II, крепостничество достигло своего максимального развития, в то время, когда в центральной России помимо власти императора не было другой власти, в это самое время в южной России, в Запорожье, господствует совершенное равенство и народоправление. Таким образом, выходило, что в русском монархическом государстве существовало другое государство чисто демократического характера. От этого в одной и той же России в одно и то же время происходили такие явления. Недоволен, положим, крестьянин в России каким-нибудь распоряжением правительства или ближайшего своего начальства. Ну, что же? Можно обойти это распоряжение. Стоит только добежать до Запорожья; там дадут и земли, и лугов, и скота, и плугов. Садись, ори, живи и, если ты способен, начальствуй в *паланке*, в курене, а не то и в сичи. Такие порядки, само собою разумеется, не согласовались с общим государственным // (с.3) строем и в этом-то состоит главная и существенная причина уничтожения Запорожья. Конечно, к этому следует прибавить еще и те проступки, как нападения на татар, донцев, как грабежи и разорения, которыми нередко проявляли себя запорожцы. Но все это в те времена никем и никогда серьезно не считалось

проступками, а скорее удальством и молодечеством. Сущность вовсе не в них. В этом отношении Екатерина II шла весьма последовательно. Первый шаг к уничтожению Запорожья был намечен уже в 1764 году, когда граф Кирилл Григорьевич Разумовский должен был сложить с себя звание гетмана Малороссии. С тех пор украинский сепаратизм перестал беспокоить правительство; но для того, чтобы устранить и тень опасения, нужно было разрушить самое гнездо запорожских казаков, Сичу. И вот в 1775 году, 4 июня, отдано было приказание уничтожить Сичу и занять русскими войсками главные места Запорожья. В “Манифесте о разрушенном войске запорожском”, изданном от имени Екатерины II, насчитывается шесть причин, за которые московское правительство находит нужным раз навсегда покончить с запорожцами. “Во первых, начали они, лет за десять тому назад, да и в самое новейшее время, гораздо далеко простирать свою дерзость, присвоая и требуя, наконец, себе, как будто достояния их собственности, не только всех тех земель, которые нами через последнюю войну от Порты Оттоманской приобретены, но даже и занятых селениями Новороссийской губернии, предьявляя, будто им и те и другие издревле принадлежали... Во вторых, в следствие такого себе присвоения Новороссийской губернии земель, дерзнули они не токмо препятствовать указанному от нас обмежеванию оных, воспрещая посыланным для оного офицерам явною смертию; но заводить и строить на них самовластно собственные свои зимовники, а сверх того уводить еще из тамошних жителей и из поселенных полков, гусарского и пикинерского, мужеска и женска пола людей... В третьих, пограбили и разорили они, запорожцы, у одних обывателей Новороссийской губернии в двадцать лет, а именно с 1755 года, ценою на несколько сот тысяч рублей. В четвертых, не утрастились еще самовластно захватить зимовниками своими приобретенные мирным трактатом новые земли между реками Днепром и Бугом, присвоить и подчинить себе новопоселяемых там жителей // (с.4) Молдавского гусарского полку... В пятых, как же они принимали к себе, не смотря на частые им правительства наших запрещения, не одних уже прямо в козаки вступающих беглецов, но и людей женатых и семейнистых, через разные обольщения уговорили к побегу из Малороссии для того только, чтоб себе подчинить и завести у себя собственное хлебопашество, в чем довольно уже и предупели... В шестых, наконец, те же запорожцы стали распространять своевольные присвоения и до земель, издревле принадлежащих нашему войску донскому..., делая и сим донским козакам запрещение пользоваться оными землями, которые уже долговременно в их обладании состоят. Всякий, здраво рассуждающий, может тут легко проникнуть как лукавое намерение запорожских Козаков, так и существенный от оного государству вред. Заводя собственное хлебопашество, разторгали они тем самое основание зависимости их от престола нашего и помышляли, конечно, составить из себя, посреди отечества, область, совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением, в надежде, что склонность к развратной жизни и к грабежу будет, при внутреннем изобилии, безпрестанно обновлять и умножать их число. И тако, по необходимому уважению на все вышеизображенное, сочли мы себя ныне обязанными пред Богом, пред империей нашей и пред самим вообще человечеством, разрушить Сечу запорожскую и имя козаков, от оной взаимствованное. Вслед того, 4 июня, нашим генерал-поручиком Текелием, со вверенными от нас ему войсками, занята Сечь запорожская в совершенном порядке и тишине*. Возвещая нашим верным и любезным подданным все сии обстоятельства, можем мы в то же время им объявить, что нет теперь более Сечи запорожской в политическом ее уродстве, следовательно же и козаков сего имени. Место жилища и угодыа тамошние оставляем мы для постоянных и отечеству наравне с другими полезных жителей”***

Ясно, что все названные шесть причин можно свести только ко двум – присвоению и захвату чужой собственности и стремлению создать независимое управление. Из них важнейшая – вторая; первая же относится к таким причинам, без которой в сущности ни запорожское, ни другое какое-либо войско, жившее // (с.5) без определенного содержания, не существовало и не может существовать. Оттого русское правительство до Екатерины II никогда или почти никогда

* Сича на р. Пидпильне, теперь Екатеринославской губернии и уезда.

** Ригельман. Летопис[ное] повествов[ание] о Мал[ой] Рос[сии]. – М., 1847. – Ч.IV. – С.32-34.

не обращало внимание на набеги и грабежи запорожских казаков. “Татарина не убить, ляха не пограбить, так и не жить” – говорили запорожцы везде и всем. Самое слово “воевать” еще в недавнем прошлом значило жечь, палить и уничтожать. Запорожцы, жившие войной, не составляли в этом случае исключения. Екатерина II понимала это больше, чем кто другой, и если в манифесте указывалось на грабежи и набеги запорожцев, то такое указание более всего отвечало данному случаю.

И так, Запорожье перестало существовать. Что же случилось с массой войска запорожского и старшиною его? Что касается массы, то одна половина ее переселилась на Кубань, образовав там черноморское, ныне кубанское, войско; другая половина ушла в пределы Турции на Дунай и составила там дунайское войско запорожских козаков. Старшина же запорожская – войсковой писарь, Иван Яковлевич Глоба, войсковой судья, Павел Фролович Головатый и кошевой атаман, Петр Иванович Калнишевский отправлены в разные места в ссылку. Глоба был сослан в Сибирь, в город Туруханск, где скончался в местном монастыре около 1790 года. Головатый был отправлен в ту же Сибирь, в город Тобольск, где прожил в Знаменском монастыре 20 лет и скончался на 80 году от рождения. Во время заключения над ним учрежден был двойной надзор, – военный и монастырский. “В инструкции, данной архимандриту Илье, сказано между прочим, что Головатому запрещается не только посещать и принимать посторонних людей, но и ходить в церковь. Впоследствии времени, по его желанию, разрешено было ему посетить церковь в сопровождении часового солдата, неотлучно при нем находившегося, но с тем, чтобы Головатый стоял в церкви на особом от народа месте, не оглядывался назад и по сторонам и при входе ни с кем не разговаривал. На содержание его назначено было из казны в год по сто рублей ассигнаций, которые выдавались ему помесечно; в получении же их, по его безграмотству, расписывались другие*.

Что же касается главного начальника запорожской Сичи, кошевого атамана, Петра Калнишевского, то и он, так же, // (с.6) как и два названные, отправлен был в ссылку, но куда именно, до последнего времени не знал. Историк “Новой Сечи” А.А. Скальковскому место ссылки Калнишевского совсем не было известно, и он гадательно высказал предположение, что, после разорения Сичи, последний кошевой ее отправлен был куда-то на Дон.

*“Ой полети, галко, та полети ти, чорна,
Та на Дін рибу їсти,
Та принеси ти, галко, та принеси ти, чорна,
От Калниша нам вісті”****

Но в 70-х годах текущего столетия П.С. Ефименку удалось отыскать след Калнишевского в Соловецком монастыре, о чем он и сообщил своевременно***. С тех пор стало известным, что последний кошевой атаман, после падения Сичи, с берегов Днепра отправлен был в краесветную обитель на Соловецком острове, где прожил в ссылке целых 27 лет: 25 лет в заключении и два года на свободе. Положение его изображено у П.С. Ефименка более, чем ужасно.

Крайне заинтересованный судьбою Петра Ивановича Калнишевского, я решился отправиться лично в Соловецкий монастырь весной 1887 года, с целью собрать о кошевом сведения на самом месте его ссылки. Эта поездка доставила мне весьма интересные и, что самое главное, совершенно неожиданные для меня данные. Из бумаг, найденных и рассмотренных мной в архиве монастыря, видно, что хотя положение Калнишевского было не легко, но с тем вместе и не было так ужасно, как себе представлял раньше. Проработав несколько дней в архиве монастыря, я прежде всего нашел копию с “Указа” Екатерины II о ссылке Калнишевского в Соловецкий монастырь, помеченную 1776 годом, июня 10 дня, за № 1419*; а в след за этим нашел и несколько

* Киевская старина. 1887. – Июль. – С. 586.

** Из песен собственного собрания; записана в Александровском уезде, Екатеринославской губернии, в д[еревне] Богодаре.

*** Русская старина. – 1875. – Ноябрь. – Т. XIV.

бумаг, проливающих свет на самое положение кошевого в ссылке.

Из этих бумаг я увидел первое всего то, что Калнишевский сидел не в остроге и не в яме башни Коротней, где содержались // (с.7) самые тяжкие преступники, а в монастырской келье, того самого дома, где жила и вся братия монастырская, начиная с архимандрита и кончая простыми трудниками; его кельями были попеременно то 15-я, то 14-я. Так, в “Описи(,) учиненной в ставропигиальном Соловецком монастыре оставшимся на зимнее пребывание господам начальствующим(,) братии, салдатам, штатным служителям, находящимся по пашпортам богомольцам, мастеровым(,) наемным плотникам и чернорабочим кто в какой келье и службах находится и в каком послушании был(,) ниже сего ноября 13 дня 1788 года”, под № 50 стоит: “*В 15 келье* арестант Петр Иванов Колнишевской(;) при нем на карауле солдат”. В такой же “Описи(,) учиненной в ставропигиальном соловецком монастыре оставшимся на зимнее пребывание господам начальствующим(,) братии, салдатам, штатным служителям, находящимся по пашпортам богомольцам, мастеровым(,) наемным плотникам и чернорабочим кто в какой келье и службах находится; какое послушание и работы исправляет ноября дня 1789 года” по № 46 значится: “*В 14 келье*. Арестант Петр Колнишевской(;) караульные салдаты”. Всех келий “Опись” насчитывает 29. Из того, что Калнишевский занимал сперва 15-ю, а потом 14-ю келью и из того, что в следующих за его кельях жили разные монастырские чины, можно заключить, что помещение его было далеко не так ужасно. Впрочем, в других “описях”, называемых иначе “Именными списками”, против имени Калнишевского не значится, сидел ли он в келье или в другом каком-либо помещении. Так, в “Описании” 1787 года, месяца октября, под № 53 сказано: “Арестант Петр Калнишевской”; а в “Именном списке” 1788 года, февраля 15, по № 175 означено: “Петр Колнишевский”. Но оба эти списки написаны раньше двух приведенных и само собою дают повод спросить, не сидел ли Калнишевский до 1788 года, ноября 13, в каком-либо другом помещении? Это возможно; но каком же именно помещении?

Помещений для преступников в Соловецком монастыре было три: острог, отдельные камеры и земляные ямы. Но в остроге Калнишевский сидеть не мог, потому что он построен уже в 1798 году, как об этом свидетельствует “Летописец соловецкий”: “1615 года (построена) большая палата о двух ярусах, разделенная внутри продольною стеною на две половины: в верхнем // (с.8) помещении были иконописная и сапожная швальня, а в нижнем белецкая, больница и пономарская. Ныне здание сие, 1798 и 1830 года внутри переправленное новою постройкою чуланом, занимается содержащимися арестантами и военною командою”^{***}. Отдельные камеры устроены в стенных трех-ярусных башнях монастыря. Всех башен в монастыре восемь: Коротняя или Флащевая^{***}, Успенская или Оружейная, Прядиленная, Никольская, Квасоваренная, Кухонная, Архангельская и Белая. Из них в пяти башнях устроены отдельные камеры для преступников: в Коротней – одно помещение на нижнем этаже, в Прядиленной – одно помещение в среднем этаже, в Никольской – два помещения, в амбразуре нижнего этажа, в Архангельской – одно на втором этаже, в Белой – два во втором и третьем этажах. Все камеры башен в общем похожи одна на другую и разнятся лишь одним размером. Вот первая из них, в башне Прядиленной. Она устроена в стене среднего этажа башни, имеющей девять аршин толщины и обращенной воротами во двор монастыря. Если войти через широкие ворота в средний этаж этой башни, то тот же час налево можно увидеть небольшое отверстие; это и есть камера. Если же перешагнуть через порог камеры, то можно увидеть и самое устройство ее. Она имеет вид большой печи; сделана аркой; в длину занимает четыре с половиной аршина, в ширину – два с половиной, в высоту – с небольшим два, без печки и без окон, если не считать окном небольшой, сделанный в стене щели, имеющей высоты 5 вершков, а ширины 2 вершка. Камера запиралась двумя дверьми: внутренней железно и наружной деревянной, обитой войлоком замыкавшихся огромными двух-пудовыми замками. Если взять во внимание то, что стена башни, в которой сделана камера, выходит во двор, обнесенный кругом высокими стенами, если взять во внимание

* Не привожу этого “Указа”, потому что он целиком напечатан в статье П.С. Ефименка.

** Летописец Соловецкий. – М., 1833.

*** На ней выставляют флаг.

то, что против башни во дворе стоит старинное здание, почти совершенно заслоняющее собой всю стену ее, если принять во внимание то, что к самой стене башни приделан широкий коридор с очень наклонной над ним деревянной крышей, от которой падает темная тень на всю нижнюю половину стены, и если, наконец, принять в расчет и то, что стена, в которой устроена щель, имеет толщины почти два // (с.9) аршина, то можно положительно сказать, что в камеру за 400 лет ее существования никогда и ни один луч солнца не попадал. Не забудем еще и того, что всем Соловецком острову бывает не только целые дни, но и целые месяцы, когда “люди солнца праведного и в очи не выдают”

Но были помещения еще хуже. Это – ямы, устроенные в подземелье башни Корожней. Подземные ямы только и были в этой башне. Она стоит в северо-западном углу стены монастырской на сравнительно возвышенном месте; оттого в ее подземелье не проникает вода, тогда как остальные башни стоят на относительно низменных местах, в которых подземелья были бы невозможны, так как здесь достаточно вырыть яму в пол-аршина, чтоб из нее показалась вода. От этого же даже на монастырском кладбище, занимающем возвышенную местность против южной стены монастыря, умерших монахов в летнее время хоронят в воду. Каково устройство подземных ям в башне Корожней, я не видал, так как в настоящее время вход в нее, как и все окна ее, заложены кирпичем. Сделано ли это в видах того, чтобы устранить возможность заглядывать туда людям праздного любопытства, устроено ли это с той целью, чтобы устранить побег арестантов из острога через окна нижнего этажа башни, достоверно неизвестно; во всяком случае, мне пришлось очень пожалеть, что я не мог видеть подземных помещений. По рассказам, эти ямы были поделены в земле, ниже фундамента башни; стены их выложены диким камнем; в них не было ни тепла, ни света; преступников спускали туда при помощи лестницы, сковав предварительно обе ноги вместе с левой рукой и оставив на свободе только одну правую руку. Опустив преступника в яму, захлопывали лядой, вытащив из нее раньше этого лестницу. В яме преступник коченел от холода и погибал без света, ноги его поражались страшными язвами, в кости проникал мучительный ревматизм, платье его превращалось в лохмотья, ногти делались когтями; там на преступника нападают целыми стаями крысы, и были примеры, что некоторым узникам крысы объедали нос, уши и пальцы левой руки; тогда монастырское начальство приказывало класть подле узника большую палку, чтобы он мог отгонять ею отвратительных животных. Но в такие ямы сажались только самые страшные злодеи: отцы, растлевавшие своих дочерей, братья, насилловавшие // (с.10) своих сестер, разбойники, промышлявшие кровавым промыслом и т. п.

Теперь является вопрос, где же находился кошевой Калнишевский до помещения его в келье? Мы не думаем, чтобы его бросили в яму башни Корожней, так как эта яма уже в 1742 году была замуравлена. Да и не было надобности содержать его в тех ужасных подземельях, где содержались страшные преступники. Он не был злодеем, не был извергом, не был и душегубцем, и потому не было надобности его и мучить; его нужно было только строго содержать, но не истязать, и потому всего естественнее было посадить его в камеру, а потом перевести в келью, однако под тем же бдительным караулом. Только при таком условии Калнишевский и мог прожить 25 лет; в подземных же ямах жизнь физически невозможна, и если там проживали люди, то уж никак не 25 лет. Мы не нашли показаний, в какой из камер сидел Калнишевский до 1788 года; однако предание гласит, что сперва он сидел в камере Архангельской башни, потом в камере башни Прядиленной. Но и то нужно сказать: если бы нам удалось найти все описи от 1776 г. до 1788 г. с полным обозначением, где, кто и в каком помещении был заключен, то, быть может, мы бы и совсем не помещали Калнишевского в камере.

Затем из бумаг, найденных в том же архиве, я увидел, что Калнишевский содержался много иначе, чем другие арестанты и колодники, сидевшие в соловецком заключении. Из “Прихода денгам 1776 года июля 29 по 1781 год июня 15” видно, что Калнишевскому выдавалось на содержание по одному рублю на каждый день или 365-366 рублей в год. Деньги получались из архангельского губернского казначейства, сперва на весь год сполна, а потом помесечно, причем всякий раз в получении их расписывался караульный солдат, бывший при заключенном. “1776 года, июля месяца 29. Принято 1 московского пехотного полку от секунд майора Александра

Пузыревского на производство присланному во оной в монастырь на вечное содержание бывшему кошевому Петру Колнишевскому триста тридцать рублей” “Месяца августа: 1777 года, 23. Принято от отставного капитана Михайла Барашкова, присланных при сообщении господина архангелогородского губернатора Головцина на произвождение содержащемуся вышеписанному бывшему кошевому Колнишевскому с 26 июня // (с. 11) сего года по 26 июня ж 1778 порционных денег по рублю на день(;) всего триста шестьдесят пять рублей” “Месяца октября 1778 года, 2. Принято от солдата Ильи Кашкина присланных по сообщению архангелогородской губернской канцелярии вышеписанному ж бывшему кошевому Колнишевскому порционных денег по рублю на день на годичное время сего года июня с 26 будущего 1779 года июня по 26 число триста шестьдесят пять рублей” Так обыкновенно писалось в “Приходе” монастыря, и тут же, в “Расходе” значилось: “1776 года августа месяца. По ордеру выдано солдату Василью Соханову на отдачу вышеписанному Колнишевскому минувшего июля с 30-го будущего сентября по 1 число(,) считая на день по рублю, итого тридцать два рубли(.) то число денег тридцать два рубли солдат Василий Соханов принял и росписался” “1776 года декабря месяца. По ордеру: выдано солдату Луке Зубкову на производство бывшему запорожской сечи кошевому Петру Колнишевскому за прошедшие сентябрь(,) октябрь и ноябрь месяцы(,) считая на каждый день по одному рублю(,) итого девяносто один рубль(.) солдат Лука Зубков принял и росписался” . С 1777 года идет выдача денег кошевому помесечно, но также точно по рублю на день: 31 рубль(,) 30 и 28 рублей, считая по числу дней месяца; только в июле каждого года выдавалось 25 рублей, за то в августе определялось 67 или 36 рублей. К сожалению, книга “Приходов” и “Расходов” монастыря прекращается на 1781 году: последние листы ее вырваны; тем не менее, это не дает никакого повода думать, чтобы означенный порядок выдачи денег нарушился впоследствии. Оставшиеся листы приходо-расходной книги скреплены и проверены архимандритом монастыря Досифеем. Если взять во внимание то, что при существовании запорожской Сичи кошевой атаман получал жалованья всего лишь 70 рублей в год, а вся сичевая старшина, кроме куренных атаманов, получала 165 р.; и если принять в соображение, что один рубль прошлого столетия стоил больше десяти настоящего, то отсюда можно понять, каким положением пользовался кошевой Калнишевский во время его ссылки.

Далее, из тех же бумаг, найденных мной в Соловецком архиве, видно, что Калнишевский не все время сидел безвыходно в одном заключении. Мы уже видели, что местом его сидения попеременно были то камера башни Архангельской, то камера // (с. 12) башни Прядиленной, то келья 14, то келья 15. Кроме того, из “Ведомости о колодниках бывших у исповеди и святого причастия”, ведшейся в Соловецком монастыре из года в год, видно, что Калнишевский выводился из тюрьмы на время великого, а иногда и успенского поста, чтобы говеть по обычаю всех православных христиан. Таких ведомостей хранится в монастырском архиве больше тридцати, начиная с 1777 года и кончая 1792 годом; в этих ведомостях против каждого из арестантов поставлена графа для обозначения его лет и для отметки, был ли говевший у исповеди и приобщался ли святых таин. В таких ведомостях против имени Калнишевского стоит обычная формула. “Бывший Сечи запорожской Петр Колнишевский. Был”, или короче: “Петр Иванов Колнишевской. Был”, или еще короче, “Петр Колнишевский. Был”. Лет нигде не обозначено. Просмотрев все ведомости, я увидел, что Калнишевский каждый год и каждый раз во время говения исповедывался и приобщался святых таин, оставляя на это время место своего заключения.

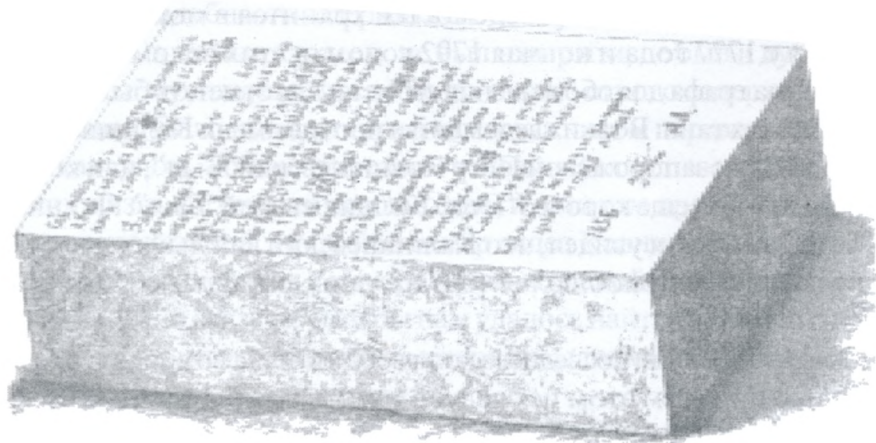
Таковы данные о положении последнего кошевого атамана во время его ссылки в Соловецком монастыре. Однако при всем этом не следует думать, чтобы Калнишевский пользовался в монастыре положением человека совершенно независимого. В том же архиве монастыря хранится несколько “Ведомостей о содержащихся в ставропигиальном Соловецком монастыре колодниках”, где против каждого из них выставлена причина ссылки преступника и предписание как с каждым из них обращаться. В “Ведомости” 1780 года, под № 14 против фамилии Калнишевского записано. “1776 года июля 29 дня по указу святейшего правительствующего

* Следует заметить, что караульные солдаты при кошевом – все великороссы.

синода во исполнение высочайшей ЕИВ на всеподданнейшем генерал-аншефе Военной коллегии вице-президента астраханской азовской и новороссийской губернии генерала губернатора и кавалера Григорья Александровича Потемкина докладе конфирмации велено бывшего Сичи запорожской кошевого Петра Колнишевского содержать безвыпускно из монастыря и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения за неослабным караулом обретающихся в Соловецком монастыре солдат”. Это // (с.13) прописка, с некоторыми незначительными изменениями повторяется во всех “Ведомостях о содержащихся колодниках” из года в год.

В таком положении находился Калнишевский до 1801 года, когда на русский престол взошел император Александр I. Тогда “Манифест” императора повелевал “всех находящихся теперь и до сего самого дня под следствием и судом по разным местам чиновников и всякого звания людей, по делам, не заключающим в себе важных преступлений, как-то смертоубийства, разбоя и лихоимства, учинить от суда и следствия свободными”. Копия с этого “Манифеста” хранится в том же архиве. По этому “Манифесту” и Калнишевский получил свободу, так, как в “Записке о содержащихся по ведомству тайной экспедиции, под № 29” в числе освобожденных назван и “Петр Калнишевский, бывший запорожский кошевой атаман. В Соловецком монастыре.” В настоящее время циркулирует между монахами Соловецкого монастыря по поводу освобождения Калнишевского такой слух. Император Александр I во время своего посещения Соловецкого монастыря, увидел яму, в которой содержался Калнишевский, пришел от нее в ужас и потом, желая облагодетельствовать чем-нибудь невинного страдальца, спросил его, какой ему надо награды за все понесенные им бедствия. “Ничего мне, государь, не надо, кроме одного: вели построить острог для таких же страдальцев, как и я, чтобы они не томились в земляных ямах” И государь приказал построить острог. Но этот слух, как слух не оправдывается уже тем, что острог построен за три года до вступления Александра I на престол (1998 году). Ходит также слух, что когда Калнишевского освободили из тюрьмы, то оказалось, что он уже лишился зрения. Это возможно, но вопрос отчего: от темного ли помещения, или от старости, или от того и другого вместе? Не забудем, что в то время Калнишевский был уже в довольно преклонном возрасте. Так или иначе, но, получивши свободу, Калнишевский пожелал остаться в монастыре, сделался послушником и прожил два года на свободе, скончался.

Из вещественных памятников, оставшихся после Калнишевского в Соловецком монастыре, сохраняются в настоящее время следующие: запрестольный, четырех-конечный крест, стоящий в Преображенском соборе, у окна против престола, великолепное // (с.14) евангелие, хранящееся в монастырской ризнице, и каменная надгробная плита, положенная над прахом умершего во

дворе монастыря у южной стены того же собора, против алтаря, между могил Авраамия Палицына и архимандрита Феодорита. Крест имеет в высоту один аршин и девять дюймов, кроме ручки в тринадцать дюймов; он сделан из серебра чеканной работы: местами позлащен,

* Полугодовая черновая ведомость о монашествующих и о содержащихся арестантах, № 121.

на нем вырезаны с лицевой стороны: плоть Спасителя, белая, литая, выше ее Господь Саваоф, по бокам Богоматерь и Иоанн Богослов, внизу два ангела с тростью и копьем, вокруг четыре венца и стразы, по концам сияние и херувимы; с обратной стороны страсти Господни, чеканной работы. Ко всему этому на рукоятке внизу подпись: “сей крест сделан вкладом Петром Ивановым Кошевым 1794 года, вес тринадцать фунтов (48) сорок восемь золотников”

Евангелие имеет 17 вершков длины и 10 ширины; напечатано в Москве, в 1759 году, в царствование императрицы Елизаветы Петровны; буквы на александрийском кресте, в j вершка величины; весит два пуда и двадцать фунтов, обложено серебром густо позлащенным, унижено стразами и отделано выпуклыми финифтевыми иконками. На лицевой доске изображены, по середине, от верху и до низу, моление о чаше, Троица, преображение, успение и тайная вечеря; с левой стороны евангелист Матвей, Мария Магдалина и в одну линию с ней преподобный Зосима, затем евангелист Марк; с правой стороны евангелист Лука, преподобный Савватий и в одну линию с ним воскресение, затем евангелист Иоанн. С обратной стороны, по середине, представлены распятие (два раза) и апостол Иаков; с левой стороны апостолы Андрей, Варфоломей и Филипп; с правой апостолы Павел, Фома и Симон. На серебряных позлащенных дощечках евангелия, приделанных сверху и снизу к корешку переплета с внутренней стороны, вырезана следующая надпись: “В славу божию устроися сие святое евангелие во обитель святого преображение (– ия) и преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев что на море окуяня (– е) при архимандрите Ионе а радением и коштом бывшего запороцкой сечи кошевого Петра Ивановича Кольнишевского 1801 года а всего весу 34 фу[нта] 25 зо[лотников]* всеи суммы 2435”. К этой надписи на застежках евангелия прибавлено: “Старанием и трудами: Соловецкого // (с. 15) маностира; наместником: иеромонахом: Вениамином: святое евангелие: зделана: московской третей гильдии купец: серебряных: дел мастер: Владимир: Андреевич” То обстоятельство, что Калнишевский уже через 19, а потом через 25 лет своего пребывания в монастыре сооружает на собственные деньги сперва крест, а потом евангелие, остается не без смысла: очевидно, евангелие сделано кошевым в память освобождения его из тюрьмы и вместе с этим же очевидно, что кошевой не был сравнен с обыкновенными преступниками, которых, при ссылке, лишали всех прав и состояния: лишенный только прав, Калнишевский однако сохранил при себе деньги, на которые купил для церкви крест и евангелие и, нужно сказать, самые великолепные во всей соловецкой ризнице, не смотря на огромнейшие богатства и великолепие ее.

Надгробный камень, положенный над прахом кошевого Калнишевского, имеет вид обыкновенной четырех-угольной плиты, длины два аршина и девять с половиной вершков, ширины один аршин и два вершка, вышины у подножья десять с половиной, у изголовья – двенадцать вершков. На плите сделана в 1856 году архимандритом Александром (А.А.), впоследствии полтавским епископом, следующая надпись. (См. прилагаемый рисунок).

В заключение настоящей статьи мы позволим себе спросить: точно ли Петр Иванович Калнишевский умер 112 лет от роду? Нам кажется приведенное показание сильно сомнительным в виду того, что в самых исповедных росписях против имени Калнишевского число лет его нигде не показано, тогда как число лет других арестантов везде точно определено. Очевидно отсюда, что и сам кошевой не знал числа своих лет. В противном случае монах, ведший исповедные росписи и обязанный выставлять лета всех преступников, не преминул бы выставить и лета Калнишевского. Что касается до надгробной эпитафии, то она сочинена пятьдесят три года после смерти кошевого, и числовая дата в ней показана, нужно думать, по преданию. И в самом деле, трудно допустить, чтобы, при существовании Сичи, 85-летний старец управлял такою вольною ватагою, какую представляли из себя запорожские козаки.

Д.И. Эварницкий.

Качановка.

1887 года, 10 июня.

* Без бумаги, дерева и бархата, со всем же этим 2 п[уда] и 20 ф[унтов].